

- Ученики секты Ронгку, займите первое место в охотничьем соревновании.

В апреле, под ясным небом Цин Мин¹, весна была в полном разгаре.

На деревянных трибунах, возвышавшихся над охотничьими угодьями, бок о бок сидели несколько мастеров Шести Великих сект, наблюдая за происходящим вдали.

На сцену поднялся культиватор, одетый в черное, держа в руках духовного зверя. Мастер секты подтвердил метки зверя-духа, готовясь передать его следующему лидеру секты для проверки. Молодой мастер секты, возглавлявший группу, по-видимому, обеспокоенный тем, что может кого-то потревожить, сказал:

- Поторопитесь и заберите его.

Он добавил:

- Моему младшему брату всегда не нравился запах крови.

Мастер секты Дальней горы сказал это, заставив окружающих лидеров секты посмотреть на его младшего брата, сидящего рядом с ним.

Холодный и отчужденный Бессмертный Лорд, которому “всегда не нравился запах крови”, сидел в стороне, держа чашку с чаем в одной руке. Его нефритовые пальцы нежно касались крышки чайника, когда он смотрел на охотничьи угодья. Его тонкие губы были слегка поджаты, а сам он держался отстраненно и неприступно.

Его волосы были уложены нефритовой короной с двумя свисающими лентами, а одет он был в развевающуюся мантию лунно-белого цвета с широкими рукавами. Его осанка была прямой и чистой, на нем не было ни пылинки.

Это был господин Юэ Чжао, Чу Ханьцин, которого Шесть сект часто называли “Господин Мэй И” или “Господин Чжэ Сянь”. Он был известен тем, что не имел никакого отношения ни к чему грязному, и его внешность не имела себе равных по своей красоте.

Говорили, что любой практикующий, который видел его, не мог удержаться, чтобы не покачать головой и не прищелкнуть языком от изумления, поражаясь тому, как такой прекрасный человек может существовать в этом мире. Некоторые даже утверждали, что с радостью умерли бы, если бы им дали возможность заниматься с ним двойной практикой!

Но это было всего лишь принятие желаемого за действительное.

Причина была проста. Секта Дальней горы проповедовала отрешенность, чистосердечие и

бесстрастие.

Под этой ошеломляющей и соблазнительной внешностью скрывалось самое холодное и отчужденное сердце.

В этот момент господин Юэ Чжао нахмурил брови, выражение его лица стало серьезным, хотя кончики его пальцев рассеянно обхватили край фарфоровой чашки, бессознательно потирая его.

Он все еще был обеспокоен кошмаром, который приснился ему прошлой ночью, и ему было трудно сосредоточиться на весеннем банкете Шести сект.

Для обычно сдержанного и достойного господина Юэ Чжао это был совершенно ужасный сон.

Во сне он не мог разглядеть лица этого человека, но чувствовал присутствие высокого, сильного и хорошо сложенного молодого человека, одетого в черную мантию с замысловатой золотой вышивкой. Все было аккуратно разложено, за исключением нижнего края его халата, который был небрежно распахнут. Действия мужчины были решительными, когда он прижал холодного и отчужденного мужчину в белом, с длинными черными волосами, ниспадающими каскадом, к кровати...

В пещере было темно, только одна лампа горела у кровати, наполняя воздух роскошным и опьяняющим ароматом.

Пальцы мужчины скользнули по бледному подбородку, подняв затуманенные, полные эмоций осенние глаза. Чу Ханьцинзь сосредоточился и, к своему ужасу, понял, что мужчина, над которым надругались... у него было его лицо!

- ...

При этой мысли Чу Ханьцинзь нахмурил брови и чуть не раздавил чашку в своей руке.

С тех пор как он вышел из своего затворничества, его самосовершенствование достигло уже шестой стадии Трансформации. Но по какой-то причине в последнее время его мучили эти грязные сны. Проблема заключалась в том, что Чу Ханьцинзия всегда окружали чистые вещи — все, что он видел, слышал, обонял и употреблял, было безупречным. У него никогда даже не возникало нечистых мыслей. Но теперь ему снились не только неуместные сны, но и они были наполнены реалистичными деталями, которых он никогда раньше не видел.

Абсолютный абсурд.

Что же пошло не так?

Пока он был погружен в свои мысли, на охотничьих угодьях поднялся шум.

- Охота окончена! Все практикующие, возвращайтесь на территорию своей секты. Никаких полетов на мечях, никаких ускорений, никакой демонстрации воинской доблести и никакого дальнейшего высвобождения духовной энергии!

Тем не менее, два человека продолжали сражаться из-за духовного зверя, и их битва усиливалась.

Один из них вытащил из своей спины пронзительную стрелу и, казалось, не обращая внимания на выговор ученика, прицелился прямо в духа зверя, лежащего на земле.

- Негодяй! Разве я не сказал остановиться?!

Как раз в тот момент, когда наблюдающий ученик собирался вмешаться, раздался внезапный свист ветра, за которым последовал резкий звон сталкивающихся стрел. Сбоку прилетела еще одна стрела, с силой ударив первую стрелу о землю, отчего она мгновенно разлетелась вдребезги.

Это был такой точный выстрел, что вокруг них поднялся переполох.

- Какая потрясающая стрельба из лука! Кто бы это мог быть?

Тихий голос ответил:

- Прошу прощения.

Неподалеку кто-то опустил руку, положив ее на колчан.

За спиной у этого человека был закреплен массивный меч, завернутый в черную ткань. В левой руке он держал глубокий черный лук, а его длинные черные волосы были высоко завязаны. Он был одет в простую одежду из конопли, стоял с прямой спиной, излучая спокойную, но пугающую ауру.

Однако его лицо было чрезвычайно заурядным.

Настолько заурядным, что о нем можно было забыть, едва взглянув на него, сразу же отбрасывая все прежние мысли о том, что "он, должно быть, красивый мужчина!" Это сильно подрывало его привлекательность.

- Я услышал команду и попытался остановить стрелу, - сказал человек, улыбаясь, когда он

снова схватили свой тяжелый лук.

- Я поступил опрометчиво, надеюсь, я никому не помешал.

Среди остальных не только поднялся шум, но даже Чу Ханьцин был слегка удивлен: впечатляющее мастерство.

На мече не было гравировок, что явно указывало на то, что этот человек не принадлежал ни к одной из основных сект. В настоящее время все продвинутое боевое искусство контролировалось Шестью Великими сектами, так что для представителя небольшой секты достичь такого уровня развития было немалым подвигом.

Несмотря на то, что он произвел на всех большое впечатление, этот человек стоял неловко, словно не зная, как покинуть сцену, и взглянул на центральную трибуну, где сидели мастера секты.

Намеренно или нет, но его взгляд каким-то образом встретился непосредственно с взглядом Чу Ханьцин.

Чу Ханьцин: ?

Мужчина, который должен был уйти, остановился, бессознательно крепче сжимая лук.

Он пристально смотрел на Чу Ханьцин.

Этот взгляд длился так долго, что люди вокруг начали перешептываться.

- Хм?

- На что он смотрит?

- Разве он не пялится на лорда Юэ Чжао? Я имею в виду, лорд Юэ Чжао невероятно красив, но стоять там как загнипнотизированный и пялиться так просто неприлично!

- Какая смелость! Это так неуважительно!

- ...